

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

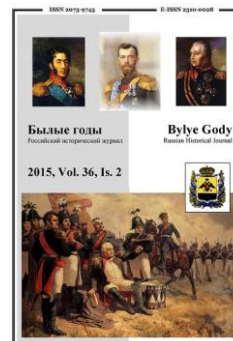
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 219-228, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 34 (340)

The Legal Regulation of Artisan and Trade Corporations in the Cities of Medieval Europe

¹Valentine G. Medvedev

²Anna N. Fedorova

³Pavel A. Rumjantsev

¹Togliatti State University, Russian Federation
14 Belarusian Avenue, Togliatti, Samara region, 445667
Dr. (Jurisprudence), PhD (History), Associate Professor
E-mail: medvedeff_vg@rambler.ru

²Tolyatti State University, Russian Federation
14 Belarusian Avenue, Togliatti, Samara region, 445667
The candidate of jurisprudence, the senior lecturer
E-mail: an_fedorova@mail.ru

³Tolyatti branch of the Russian State Social University, Russian Federation
Stepan Razin's avenue 78, Togliatti, Samara region, 445057
The teacher
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Abstract

This article features an analysis of the legal regulation of the formation and activity of artisan and trade corporations in the cities of medieval Europe. Based on the findings of an analysis of existing scientific theories, as well as a study of legal and regulatory acts, the author aims to explore the issue of the emergence of cities and workshop organizations in them and reveal their legal essence and content. The relevance of this paper is due to the fact that up until now a sufficiently definitive opinion is yet to be propounded in historical and historical/legal science as to the origin and development of such specific urban institutions as workshops and workshop corporations, with their special legal regulation. The author comes to the conclusion that the formation of cities and workshop organizations reflected the evolution of the economic and social development of medieval society, which was associated with social division of labor. The paper's major focus is not on the statutory regulation of the work of masters and not on the regulation of workshop craft methods, which can be explained quite logically by the economic need for adapting medieval artisan production to the limited needs and capacity of the local market, and which is the subject of study for the majority of present-day scholars, but issues related to the very organization of the workshop, its position in the system of urban establishments, as well as the legal status of its members.

Keywords: law, urban law, workshop, city hall, craft, trade, workshop charter.

Введение

Актуальность проблемы исследования заключается в том, что вопрос возникновения и развития средневековых городов и правового регулирования ремесла и торговли в них, несмотря на достаточно большое количество работ, написанных на эту тему, по-прежнему представляет значительный интерес. Это объясняется тем, что до настоящего времени по-прежнему не выработано сколько-нибудь единого подхода к разрешению данной проблемы, особенно в части определения сущности и содержания городского права. В связи с этим в исторической и историко-правовой науке существуют различные теории происхождения и развития европейских городов и таких специфических городских учреждений как цехи и цеховые корпорации с их особым правовым регулированием. Все эти теории строятся на основе социально-экономических подходов в определении сущности и содержания складывавшихся в городах общественных отношений. Целью данной работы является рассмотрение проблемы городских структур и учреждений не столько с экономической и социальной точек зрения, сколько с позиции права, выступающего универсальным социальным регулятором жизни любого общества.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи явились материалы цеховых уставов средневековых городов Европы, судебная практика тех лет, городские хроники и работы российских и зарубежных ученых по проблемам истории организации городских корпораций, а также становления и развития их ремесленно-торговой деятельности. Анализ перечисленных источников, а также применение диалектического, исторического, системного и формально юридического методов исследования позволили автору дополнить накопленные знания о средневековых европейских городах в части политико-правовой сущности и содержания цеховой организации, законодательном регулировании ее функций и структуры, о правовом статусе и правомочиях ее членов, а также о характере правоотношений городских цехов с муниципальными и сеньориальными властями.

Обсуждение

Отсутствие достаточного количества необходимых исторических документов дало европейским и отечественным исследователям широкий простор для гипотетических предположений о возникновении ремесленных и торговых корпораций средневековых городов и о нормативном регулировании личных и производственных отношений как внутри таких ассоциаций, так и их отношений с городскими властями. В «романистической» теории (Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф.К. Савиньи), например, построенной на анализе письменных и археологических источников романизированных территорий Европы, говорится о том, что средневековые города являются прямым продолжением поздних античных городов [1]. Из этого следует, что купеческие и цеховые корпорации должны были брать свое начало от сохранившихся в мерovingскую эпоху римских коллегий, руководствовавшихся в своей деятельности положениями римского публичного и частного права. В частности в Парижской ганзе, утвержденной указом Людовика VII в 1121 г., указанные исследователи видели древнюю коллегию *Nautes* (от лат. - матрос), занимавшуюся, как видно, морской торговлей [2].

Ученые, опиравшиеся в исследованиях на исторические материалы Центральной и Северной Европы, где весьма слабо ощущалось влияние римской государственности и правовой культуры, главное внимание в своих трудах уделяли юридическим и институциональным составляющим собственно феодального общества. Так появилась так называемая «вотчинная» теория происхождения средневековых городов и цеховых организаций, родоначальниками которой являлись К.Ф. Эйнгорн и К.В. Нич. В этой теории утверждается, что городские институты и городское право, в том числе и нормативное регулирование ремесла и торговли, выросли из формировавшихся институтов административного управления феодальной сеньории и складывавшихся в ней правовых установлений, основанных, как правило, на нормах обычного права [3]. Это утверждение они выводили из анализа лингвистической эволюции слова «*ministerium*» (от лат.- служаций), которое, по их мнению, в период раннего средневековья постепенно превратилось в «*métier*», которое и стало обозначать цеховую корпорацию.

Так, К.В. Нич, например, в своей книге «*Ministerialität und Bürgerthum im XI und XII Jahrhundert*» высказывал суждение о том, что в каролингскую эпоху города принадлежали сеньорам – королям, вельможам, церковным иерархам. В силу этого ремесленники являлись зависимыми от сеньора людьми и были либо их рабами, либо держателями и вынуждены были работать на своих господ. В целях оптимизации управления они, как правило, делились на группы по профессиональному принципу, которые назывались «*ministerium*». Это слово обозначало организационно-правовую связь господина и его слуги, заключающуюся в обязанности последнего служить своему сеньору и за это пользоваться его судебной защитой. С течением времени личная зависимость ремесленника от сеньора ослабевала, и в конечном итоге он тем или иным путем получал личную свободу и возможность работать на себя, однако сеньор, согласно феодальному праву, мог традиционно взимать с их прибыли определенную дань. Само же слово «*ministerium*» в народном наречии изменилось на «*métier*» и стало обозначать собственно ремесленную или торговую корпорацию.

С данным суждением можно вполне согласиться, поскольку аналогичный по своему правовому содержанию процесс в более позднее время можно было наблюдать и в сельской местности. С развитием товарно-денежных отношений крестьяне, как и городские ремесленники, также получали личную свободу и превращались в поземельно зависимых цензитариев, обязанных, платить дань своему господину из вырученной при продаже своей продукции прибыли.

Относительно проблемы возникновения городов и городского права в странах Европы существует множество и других теорий. Так, например, благодаря исследованиям Г. Ганзена, Г. Маурера (Германия), Олуфсена (Дания) в 1870-90-х гг. наибольшее распространение в науке этого столетия получила «марковая» или «общинная» теория. Развита О. Гирке, А. Мейценом (Германия), Г. Мэнном, Э. Фрименом (Англия), Э. Глассоном, П. Виолле (Франция), Э. Левеле (Бельгия), она проникла и в русскую мидеевистику, прочно заняв в ней господствующее положение.

Основанная на анализе исторических документов германских земель, данная теория строилась на утверждении того, что городские институты и городское право своими истоками уходят в общественный строй свободной сельской общины-марки [4]. Основные выводы этой теории были впоследствии унифицированы М.М. Ковалевским, Г. Мэнном и другими исследователями и распространены на историю происхождения городского права и городских учреждений всех европейских стран [5].

Ряд западных ученых, как представляется, вполне обоснованно связывали проблему становления и развития правового регулирования городских ремесла и торговли с возникновением крепостей-бургов и «бургового права» – так называемая «бурговая» теория. Ее основоположниками являлись Ф. Кейтген и Ф. Мэтланд [6]. Исследователи римского, городского и канонического права, такие как Р. Зом, И.Ф. Шульте и др. видели истоки цехового строя и соответствующих ему правоотношений в «рыночном» праве, которое формировалось на основе обычая делового оборота в местах активной торговли. К этой теории близка «торговая» теория бельгийского историка А. Перенна, который считал, что города с их специфическим правом возникли в результате межрегиональной и даже межконтинентальной торговли, и их основателями и законодателями являлись купцы, основывавшие свои купеческие фактории на торговых путях [7].

Как нетрудно заметить, все перечисленные теории страдают односторонностью, поскольку рассматривают какой-либо отдельный фактор возникновения городских корпораций и городского права. В связи с этим для более полного и объективного понимания основ правового регулирования цеховых отношений некоторыми учеными предпринимались попытки объединить вместе несколько факторов с целью найти «золотую середину» в поиске истины. Так еще в конце XIX в. немецким исследователем Ритшелем была предпринята попытка соединить вместе «рыночную» и «бурговую» теории [8]. Однако, как представляется, и такой подход также является несколько односторонним и не дает всеобъемлющего представления о цеховом устройстве городов и правовом регулировании ремесла и торговли. Очевидно, целесообразно рассматривать все факторы в их взаимосвязи и взаимообусловленности. При этом в методологическом плане не следует замыкаться только на формально-логическом методе исследования, для получения наиболее полной картины становления и развития городского права необходимо анализировать также социально-экономическую, культурную и другие составляющие общественных отношений средневековых городов. Это позволяет более глубоко понять основные направления их развития и законодательного закрепления возникавших отношений в сфере ремесла и торговли.

Результаты

Разность подходов в исследовании вопросов правового регулирования торговой и ремесленной деятельности средневековых городов, как представляется, во многом вызвана недостаточностью исторических документов нормативного характера, а также письменных источников правоприменительной практики, которые в необходимой мере могли бы пролить свет на данную проблему. Вследствие этого в исторической и историко-правовой науке к началу XX столетия прочно утвердилось мнение лишь о том, что в средние века различные городские корпорации и ассоциации были широко распространенным социальным институтом. При этом следует учитывать, что сословно-профессиональный плюрализм средневекового городского общества в полной мере стал прослеживаться лишь в XIII столетии, что подтверждается содержанием проповедей нищенствующих монахов того времени, в частности Бертольда Регенбургского [9]. Ранее церковные авторы XI–XII вв. упоминали лишь о «молящихся», «сражающихся» и «пахарях», т.е. о священнослужителях, рыцарях и крестьянах. Очевидно, в условиях господствующего в то время натурального хозяйства и отсутствия развитых товарно-денежных отношений города с их ремесленными и торговыми корпорациями еще не получили должного развития.

Становление и развитие городских торговых и производственных структур в средние века, как, впрочем, и в другие периоды развития человеческой цивилизации, по мнению профессора А.А. Сванидзе, можно объяснить тем, что во все времена между человеком и обществом стояла некая, в той или иной мере малая или хотя бы ограниченная в масштабах группа. Именно через членство в такой группе каждая отдельная личность и интегрировалась в общество. Это могли быть семья, род, клан или какая-либо другая общность в виде объединения добровольно организовавших ее людей.

В средние века такие объединения были особенно распространены и представлены во множестве разнообразных форм, в том числе и в виде ремесленных и торговых корпораций [10].

Изначально они, очевидно, составляли единые гильдии, о чем повествуют ранние уставы датских, так называемых, кнудовских гильдий (название от имени канонизированного короля Кнуда IV), получивших свое развитие в XII в. Главной функцией этих торгово-ремесленных гильдий была защита своих членов и оказание помощи в сложных жизненных ситуациях. Объединяющим началом таких гильдий служили совместные застолья, положения о которых встречаются в сводах правил ремесленных цехов более поздних веков. По мнению Б. Йордана (Копенгаген) такие «заступнические» гильдии разделились впоследствии на две ветви и развились в купеческие гильдии и цехи ремесленников, организовавшихся по отраслевому признаку [11].

Членство в таких корпорациях открывало возможность их представителям не только к достижению относительного благополучия, но и нередко позволяло добиться более высокого социального и правового статуса. Это наглядно отражено в средневековой анекдоте, рассказанном одним французским проповедником XIII в., в котором автор повествует о бедном, покрытом паршой мальчике-побирушке по имени Мартин, который, придя в город, сначала получил презрительную кличку «запаршивевший». Постепенно в ходе учебы и своего труда он стал подмастерьем, затем мастером и, в конце концов, превратился в преуспевающего торговца и ростовщика. Соответственно менялись его социальный и правовой статусы. «Сперва его звали *Martinus scabiosus* (Мартин чесоточный), затем *domnus Martinus* (мастер Мартин), когда же он сделался одним из первых богатеев города – *dominus Martinus* (господин Мартин), а потом даже – *meus dominus Martinus* (высокочитимый сеньор Мартин)», что соответствовало французским титулам – *maitre, seigneur, monseigneur*» [12].

О том, что городские цеховые корпорации и складывавшееся внутри них и между ними нормативно-правовое регулирование обеспечивали их членам, в первую очередь мастерам, достаточно безбедное существование, говорит средневековая статистика. Так, например, согласно «Земельной книге» Копенгагена 1377 г., все мастера принадлежали к среднему классу, наиболее высокооплачиваемые из них имущественно приближались к свободным сословиям — рыцарству и духовенству. В книге среди прочих четырехсот городских домовладельцев перечисляются имена цеховых мастеров, некоторые из которых владели одним или несколькими дворами, включая дом, лавки, мастерские (всего перечислено около 70 лавок и мастерских) [13].

По мнению Э. Лависа и А. Рамбо, возникновение и развитие ремесленных и торговых корпораций в средневековом обществе как объединений добровольно организовавших их людей объясняется тем, что любая обособленность в период существования «кулачного» феодального права, была просто опасна для индивида, желавшего заняться того или иного рода деятельностью. Как считают данные авторы, это вполне логично объясняет тот факт, что форму корпорации, как правило, принимали всякие профессии, даже, казалось бы, такие свободные, как профессии врачей, преподавателей, студентов университетов, менестрелей и даже нищих и развратников [14].

Как известно, формирование городов и цеховой организации отразило эволюцию экономического и социального развития средневекового общества, связанного с общественным разделением труда, что выразилось в отделении ремесла от сельского хозяйства и как следствие – в росте городов. С началом высвобождения городов из-под власти сеньоров ремесленные корпорации стали называться собственно «цехами» (от немецкого «*Zeche*» - пир, пирушка). К этому понятию нельзя относиться поверхностно, поскольку в нем заложен большой социально-правовой смысл. По мнению Д.Э. Харитоновича, «в средневековом смысле слова «пир» надо понимать не как частное развлечение, а как особую форму межличностного общения, акт социальной коммуникации и даже разновидность элемента системы управления и самоуправления», которые и получили свое правовое закрепление в цеховых уставах [15].

Вместе с тем, современные исследователи при изучении этих уставов в основном сосредотачивают свое внимание на нормативном регулировании работы мастеров и на регламентации техники цехового ремесла, что вполне логично объясняется экономической необходимостью приспособления средневекового, особенно раннего, ремесленного производства к довольно ограниченным требованиям и возможностям местного рынка. При этом вопрос самой организации цеха, его положения в системе городских структур, а также правового статуса его членов исследуется достаточно поверхностно.

Многие исследователи отмечают автономность цеховых корпораций, нередко представляя их в виде своеобразного «государства в государстве». Однако, как представляется, это далеко не так. Цехи в состоянии были добиться полной автономии в администрировании и правовом регулировании лишь в сфере внутрицеховой жизни, не связанной непосредственно с торговой деятельностью и городским рынком, находившемся под юрисдикцией городских властей, представленных, как правило, купеческой верхушкой. При этом, как свидетельствуют многие источники, городские власти путем издания своих нормативных установлений нередко вмешивались и во внутрицеховые отношения. Так, например, по свидетельству А.А. Сванидзе, в Швеции в г. Мальмё вступительные взносы новых членов цеха целиком шли городу, в Юстаде — пополам городу и цеху. Город получал часть штрафа за нарушение цеховой монополии канатного цеха, а возможно, и

других цехов Мальмё. Должностные лица цехов из числа цеховых мастеров в этом городе назначались городским магистратом [16].

Кроме того, городские власти вмешивались и в вопросы оплаты труда ремесленников. По свидетельству Ф.Я. Полянского, в Швеции в 1365 г. на законодательном уровне были утверждены расценки для каменщиков и других строителей г. Нючёпинга, в 1456 и 1546 гг. законодатель распространил их на другие виды труда, а также ввел регламентацию цен на целый ряд ремесленных изделий. Городские власти устанавливали также административный надзор за отдельными ремеслами, особенно в продовольственной отрасли (пекарями, пивоварами и т. п.) с целью контроля не только качества, но также размера и цены готового товара. Зачастую специальной нормой определялся и район города, где дозволялось то или иное ремесленное производство [17]. К нарушителям, как к отдельным лицам, так и к цеху в целом, как правило, применялись меры юридической ответственности.

Приведенные данные говорят о том, что, с одной стороны, городские власти, были заинтересованы в развитии цехов и их продуктивности, а с другой, всячески опасались их полной экономической самостоятельности, которая способствовала превращению цеховых объединений в политическую силу, способную бороться за власть. Поэтому многие нормы цеховых уставов носят характер компромисса между требованиями городских магистратов и интересами самих ремесленных организаций. В связи с этим, неполнота правового регулирования, которая наблюдается в цеховых уставах, обусловлена, очевидно, тем, что многие вопросы цеховой жизни и производственных отношений члены той или иной ремесленной организации стремились разрешить на своих собраниях, не ограничивая свободу собственного выбора действий компромиссными письменными нормами уставов.

С большой долей вероятности можно предположить, что аналогичная картина наблюдалась и в других городах Европы, потому что каждый цех, так или иначе, был подчинен своему сеньору, в роли которого могли выступать монастыри, светские феодалы, церковные капитулы, городские коммуны. Об этом наглядно свидетельствует, например, кельнский 1469 г. устав мастериц шелковых изделий, в котором говорилось: «Наши предки – бургомистры и совет города Кельна... учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочих законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать». При этом городской совет, выступая в роли сеньора цеха, оставлял за собой право «во всякое время по мере надобности расширить или сократить его (устав)» [18].

Данный документ, кроме всего прочего, дает представление о том, что наряду с мужскими цехами в европейских городах существовали и женские цеховые организации. Мало того, женщины могли входить в качестве полноправных членов в мужские ремесленные ассоциации.

Как правило, зависимость цехов от сеньоров была довольно значительной и выражалась в виде определенного суверенитета сеньора, выразившегося в его правомочии налагать на цех определенные повинности и взимать судебные пошлины при разбирательстве дел, не входивших в юрисдикцию цеха. При этом сеньоры нередко передавали свои права приближенным к ним лицам. Так, например, в Париже, который представлял собой административный и политический центр королевского домена, большинство цехов находилось в зависимости от королевского прево, которому король своим указом дал привилегию быть почетным президентом многих цехов с правом суда над ремесленниками. В Реймсе такими же привилегиями обладал викарий архиепископа. Королевский шталмейстер (конюший) получил привилегию продажи дипломов на звание мастера во всех цехах, занимающихся обработкой железа, а также взимания с каждого кузнеца налога в шесть парижских денье [19].

Иногда суверены уступали право низшего суда над ремесленниками кому-либо из городских мастеров того или иного цеха, в результате чего последние в ходе повседневной практики в силу обычая приобретали и определенные административные права. Например, главный королевский поставщик хлеба, изначально, будучи членом цеха парижских булочников, осуществлял в соответствии с королевским указом судебные функции. Так как в средние века суд не был отделен от администрации, это лицо автоматически приобрело полномочия заниматься и некоторыми вопросами управления, в результате чего стало важным руководящим членом корпорации.

Организация цеховых ассоциаций и вся их повседневная жизнь были подчинены цеховым уставам или статутам, которые составлялись и изменялись самими членами цеха, принимались на собраниях общины и выступали в качестве локальных нормативных актов по отношению к общему городскому праву. Правом окончательного утверждения уставных документов обладали сеньоры, которые нередко вносили свои коррективы в эти цеховые конституции, о чем повествует приведенная выше выдержка из кельнского устава ткачих. Таким образом, право городских властей вносить свои коррективы в цеховые уставы, говорит о сеньориальной власти города над цехом, при этом сам город, в свою очередь, мог находиться в вассальной зависимости от своего сеньора – короля, герцога, архиепископа, графа и т.д., на землях которого он находился.

Организация и правовое регулирование ремесленного производства, закрепленное в цеховых уставах, основывалось на обычаях профессионального и локального характера. При этом все уставные нормы были подчинены главному организационному принципу, присущему всему феодальному обществу – принципу принуждения. Применительно к цеховой корпорации это был принцип

Zunftzwang (нем. – принуждение цеха), который требовал от каждого субъекта, желавшего заниматься той или иной деятельностью, осуществлять эту деятельность только в рамках определенного цеха. В европейских городах данный принцип, по словам Ф.Я. Полянского, был доведен до своего логического конца [20]. Кроме этого, как и все феодальное право, этот принцип выступал императивом запрещения всего того, что прямо не было разрешено законом, в данном случае – нормами цехового устава. Формирование цехового законодательства на основе принципа Zunftzwang позволяло цеху вести успешную борьбу за консолидацию его членов и, как следствие – за выживание всей корпорации в условиях жесткой конкурентной борьбы с нецеховыми ремесленниками, а зачастую и со своими непокорными мастерами и рабочими.

Кроме того, нормативно закрепленный принцип принуждения был необходим для борьбы с иными цехами, поскольку между различными корпорациями существовало значительное неравенство. Оно заключалось в том, что одни цехи, такие, например, как ювелиры, были богаче и могущественнее, а следовательно, обладали и большим объемом прав и привилегий чем, скажем, цех сапожников. Немаловажную роль в определении социального и правового статуса цеха играла также его «почетность», которая зависела от рода его деятельности, поскольку от тех же ювелиров требовалось больше умения, чем, например, от каменщиков. Кроме того, цех медиков, например, призванных спасать жизнь людей, занимал в структуре городского общества более высокое положение, чем цех мясников, представители которого занимались убоим скота.

Наиболее наглядно об этом повествует документ, составленный 17 февраля 1525 г. старшинами 14 копенгагенских цехов с целью нормативного закрепления социального и правового статуса имевшихся в то время городских объединений. Почетное первое место, дававшее преимущественное право быть избранными в городской магистрат, занимали купцы. Затем, по мере убывания общественной значимости и, как правило, политической и, очевидно, гражданской правоспособности, шли лавочники, пивовары, ювелиры, пекари, кузнецы, сапожники, портные, ремесники и кошельники, мясники, цирюльники, скорняки и кожевники, возчики, носильщики.

Среди ремесленников самое привилегированное положение, по словам Б. Йордана, занимали ювелиры, профессия которых предполагала одновременное занятие ремеслом и торговлей и которые, вопреки городскому праву, но согласно сложившейся практике, могли участвовать в городских советах, не порывая с делом [21].

В цеховых нормах достаточно четко прослеживается правовой статус цеха как юридического лица, несмотря на то, что средневековое право не знало такого понятия. Цехи, помимо устава-статута, обладали, как правило, печатью и даже своим знаменем, они могли приобретать и отчуждать имущество и направлять в суды своих уполномоченных [22]. Это говорит о том, что наряду с зависимостью ремесленных корпораций от городских властей, они обладали и значительной долей самостоятельности внутренней жизни, подчиненной собственным цеховым нормативным регуляторам.

Эта самостоятельность в первую очередь проявлялась в организации цеховой администрации. Данный вопрос в отечественной и зарубежной историографии изучен недостаточно хорошо ввиду безуспешности попыток исследователей свести европейскую цеховую организацию к какой-либо стандартной схеме. Этому мешает значительный партикуляризм ремесленных корпораций с большим количеством присущих каждому цеху особенностей.

Вместе с тем, в рамках формально-юридического подхода цеховые статуты в определенной мере позволяют выявить некоторые общие черты цеховой организации, несмотря на то, что некоторые средневековые источники призывают с осторожностью подходить к анализу данных нормативных документов, поскольку многие вопросы цеховой жизни, по их мнению, решались помимо уставов. Тем не менее, если все же формально основываться на этих нормативных документах, то можно с уверенностью констатировать, что управление любым цехом находилось в руках различных магистратов, главную роль среди которых играли старшины, которые носили различные титулы – мастера, присяжные, бальи, консулы, судьи и т.д.

Все должностные лица назначались волеизъявлением ремесленной общины по результатам выборов. Однако собрание корпорации не являлось последней инстанцией, и после выборов окончательное утверждение представляемых кандидатов в цеховые магистраты принадлежало сеньору, в роли которого в позднее средневековье выступала городская коммуна, равно как и право отрешения их от занимаемой должности. Эта норма, очевидно, была вызвана необходимостью соблюдения общественного блага для всего города, поэтому деятельность ремесленных корпораций, которые и создавали это благо, а также то, что они представляли часть городского ополчения и выполняли судебные и полицейские функции по отношению к своим членам, нуждалась во внешнем надзоре и законодательном регулировании городских властей [23].

Согласно уставам, количество магистратов в различных цехах колебалось от одного до двенадцати, но административная и судебная практика свидетельствует о том, что их, как правило, было не более 4–6 человек. Они могли делиться на коллегии собственно магистратов, обладавших всей полнотой цеховой власти, и их помощников, осуществлявших функции надзора над деятельностью ремесленников. Зачастую собственно магистратов избирали из состава полноправных

мастеров, а смотрителей и экспертов – из числа рабочих подмастерьев, как это было, например, в парижских цехах валяльщиков шерсти и шляпочниц [24].

В обязанность всех магистратов входило посещение мастерских для контроля над работой ремесленников и качеством их изделий. Такие посещения могли осуществляться в любое время, даже ночью, а в целях предотвращения насилия со стороны разгневанных мастеров и их рабочих надсмотрщики брали с собой милицейских сержантов или помощников из числа подмастерьев. В случае обнаружения недоброкачественных товаров они обязаны были конфисковать их и составить соответствующий протокол с последующим представлением недоброкачественного изделия в суд. Осуществлять судебное разбирательство и выносить приговор должен был либо сам надсмотрщик, либо другое должностное лицо, во втором случае надсмотрщик выступал в качестве присяжного заседателя [25].

Такие цеховые трибуналы разбирали также и различные споры и ссоры между ремесленниками. Конфликты в трудовых отношениях между различными по статусу членами цеха, отражали, как представляется, не столько антагонизм мастеров и работников, как считают многие исследователи, сколько их возрастные особенности или карьерные интересы. Так, например, в 1470-е годы трибунал лондонского цеха золотых дел мастеров осудил на временное заточение молодых рабочих, недовольных тем, что из-за их молодости (менее 30-ти лет) они не могут пройти испытание на звание мастера. Позднее половина из них все же получила не только это звание, но и должности в цехе [26].

Вообще, как считают многие исследователи, судебная функция цеха являлась самой древней и возникла одновременно с цехом. В период зарождения ремесленных корпораций она, очевидно, была единственной функцией цеховых старшин, о чем говорит, например, их начальное германское название – *judices* и *consules*. Это не удивительно, потому что средневековое сословное право традиционно было построено на принципе судебной защиты интересов членов той или иной сословной корпорации в пределах корпоративной профессиональной юрисдикции. В цехе эта юрисдикция распространялась в основном на гражданско-правовые споры по производственным делам, когда возникало несогласие между членами цеха, грозившее нарушить его единство и монополию на городском рынке.

Судебные полномочия цеховых магистратов распространялись также и на мелкие правонарушения, как правило, в сфере незначительных имущественных преступлений и преступлений против личности. Более тяжкие деяния подлежали рассмотрению в городских судах, которые зачастую выступали в качестве апелляционной инстанции не только по делам такого рода, но и по производственным тяжбам. Во всех случаях городской суд выступал в роли высшего суда, а иногда, когда цех лишался права юрисдикции в силу кардинально усиления городской власти, он предстал в роли единственной инстанции, в которую должны были обращаться члены цеха по всем своим тяжбам. Тем не менее, следует признать, что цеховые суды, в лице старшин, призваны были играть значительную роль в урегулировании корпоративных конфликтов и укреплении партнерских связей.

Кроме того, согласно уставам, старшины цехов обязаны были руководить администрацией цеха, организовывать теоретические и практические испытания для учеников на получение звания мастера или рабочего, созывать цеховые собрания и готовить повестку дня для них, представлять свою корпорацию при заключении сделок и разрешении споров с другими ассоциациями. Они обладали полномочиями по заведованию имуществом цеха и сбору ее доходов, которые поступали от штрафов, принятия в ученики или посвящению в мастера, а также в виде подарков и завещаний и т.д. Часть доходов, как правило, от штрафов по решению общего собрания старшины имели право использовать на благотворительные цели, например, раздачу милостыни беднякам или на поддержку впавших в нужду мастеров, или на организацию больниц и сиротских приютов и т.д.

Не до конца проясненным остается вопрос о месте и роли цеховых корпораций в структуре городских институтов власти и управления, представленных торгово-финансовой элитой бюргерства. Как представляется, с развитием ремесленного производства влияние цехов на городское управление должно было значительно вырасти, что и подтверждается нормативными документами и историческими хрониками того времени. Так называемые «цеховые революции», политико-правовым содержанием которых являлась борьба за власть, зачастую принимавшие вооруженный характер, прокатились практически по всем городам средневековой Европы. В результате этой борьбы представители цеховых корпораций получали места в городских советах для своих представителей, формируя, таким образом, городское правительство вместе с купеческой верхушкой. Об этом, например, свидетельствует «Кельгофская хроника» 1499 г., в которой повествуется о борьбе цеха ткачей за места в городских институтах власти: «Ткачи... очень хотели попасть в совет, хотя это не подобало им ни по происхождению, ни по положению. Устранив из совета лучших и мудрейших, они задумали создать в Кельне новый совет... . Этот совет был выбран в 1370 г. ...и просуществовал год и три месяца» [27].

Как видно из приведенного документа, кельнским ткачам не удалось удержать власть в своих руках, но в других городах, например, в Аугсбурге в результате борьбы цехов с патрициатом власть переходила к цехам. Об этом наглядно свидетельствует «Аугсбургская хроника» 1368 г. [28]

Весьма интересной для исследователя предстает организационно-правовая сущность цеховых праздников, сопровождавшихся шумными попойками в специальном, предназначенном для этого «цеховом доме». Как уже было упомянуто выше, само название цеховых корпораций было тесно связано с терминами «пир», «пирушка», которым, по словам Б. Йордана, в цеховых уставах уделено непропорционально большое место. Так, например, в уставе цеха ювелиров, ремесленников (шорников) и сабельщиков г. Свенборга, утвержденном между 1450 и 1500 гг., насчитывается 32 параграфа, из которых 10 посвящено торжествам и попойкам по поводу религиозных и собственно цеховых праздников. По уставу кожевников Копенгагена 1495 г. 9 из 16 статей касаются встреч и угощений. В уставе кузнецов г. Слагельсе 1469 г. 14 из 33 статей посвящаются пирушкам [29].

Статьи уставов жестко регулировали порядок проведения цеховых праздников – от распределения мест за столом и соблюдении тишины во время произнесения речей до очередности тостов и требования снимать шляпу при входе в цеховой дом. Согласно уставам, во время пирушек запрещались сквернословие, ссоры, драки, излишнее пьянство, пение непристойных песен, битье посуды и все, что наносило вред доброму имени цеха. Нормативно закреплялся и набор блюд и напитков, приличествующих каждому конкретному празднику [30]. Такие совместные пиры, носившие отпечаток обычаев родового строя, предназначались для консолидации всех членов корпорации в единую общность, которая призвана была оказывать своим членам юридическую и физическую защиту, а также обеспечивать наиболее полное проведение в жизнь принципа взаимопомощи в нужде.

Заключение

Таким образом, несмотря на разность научных подходов в вопросах правового регулирования ремесла и торговли в средневековых европейских городах, можно констатировать, что торговые и ремесленные корпорации, как основные носители городского права, сыграли решающую роль в становлении и развитии социально-экономической и политической жизни городов. Они обеспечивали организационную и правовую связь между индивидом, обществом и властью, что привело к формированию в конечном итоге общественных отношений, основанных на принципах свободы и демократии.

Примечания:

1. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб, 1891.
2. Савиньи Ф.К. О римском праве в средние века. СПб, 1838.
3. Nitzsch K. W. Ministerialität und Bürgerthum im XI und XII Jahrhundert, Lpz., 1859.
4. См. подробнее: Данилов А. И., Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958.
5. Мэн Генри. Деревенские общины на Востоке и Западе. М., 1874; Древнейшая история учреждений. М., 1876.
6. Кейтген Ф. Происхождение немецкого городского устройства. Лейпциг, 1895.
7. История средних веков. В 2 т. Т. 1. Под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М.: Высш. шк., 1990. С. 190.
8. Там же.
9. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner Predigten / Von Fr. Pfeiffer. Wien, 1862–1880. Bd. 1-2.
10. Сванидзе А.А. Средневековые корпорации //Неприкосновенный запас. 2006, №4-5 (48-49). С. 45.
11. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...». Положения о цеховых праздниках в средневековых уставах датских ремесленников (дата обращения: 15.10.2014).
12. Гуревич А.Я. Средневековый купец. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 98.
13. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...» (дата обращения: 15.10.2014).
14. Эпоха крестовых походов/под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона. Изд. исп. и доп. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. С. 587.
15. Харитонович Д.Э. Ремесло. Цехи и миф // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М.: Наука, 1999. С. 119.
16. Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV–XV вв.). М: Наука, 1967. С. 97.
17. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954. С. 25.
18. Цеховой устав ткачих шёлковых изделий // Средневековое городское право XII–XIII вв. /Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 113-114.
19. Эпоха крестовых походов/под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона. С. 605.
20. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран / Эпоха феодализма. М., 1954. С. 28.

21. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...» (дата обращения: 15.10.2014).
22. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. С. 607.
23. Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма / Отв. ред. А.Н. Чистозвонов. М., 1969. С. 107.
24. Грацианский Н. П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV вв. Казань, 1911. С. 25.
25. Эпоха крестовых походов/под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона. С. 609.
26. Россер Дж. Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.2. Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999. С. 146.
27. Кёльгофская хроника// Средневековое городское право XII–XIII вв. /Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 123–124.
28. Аугсбургская хроника// Средневековое городское право XII–XIII вв. /Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 125–126.
29. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...» (дата обращения: 15.10.2014).
30. Там же.

References:

1. Guizot F. History of civilization in Europe. SPb, 1891.
2. Savigny F.C. About the Roman right in the Middle Ages.
3. Nitzsch K.W. Ministerialität und Bürgerthum im XI und XII Jahrhundert, Lpz., 1859.
4. See more in detail: Danilov A. I. Problems of agrarian history of the early Middle Ages in a German historiography of the end XIX - the beginnings of XX century. М, 1958.
5. Maine Henry. Rural communities in the east and the West. М, 1874.
6. Keutgen. F. Origin of the German city device. Leipzig, 1895.
7. History of the Middle Ages. In 2 т. Т. 1. Under the editorship of Z.V.Udaltsovoj and S.P.Karpova. М., 1990. P. 190.
8. In the same place.
9. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner Predigten / Von Fr. Pfeiffer. Wien, 1862-1880. Bd. 1-2.
10. Svanidze A.A. Medieval of corporation//Inviolable zapas. - 2006, № 4-5. P. 45.
11. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...». Positions about shop holidays in medieval charters of the Danish handicraftsmen (data obraschenija: 15.10.2014).
12. Gurevich A.J A medieval merchant. In the book: Odysseus. The person in History. М., 1990. P. 98.
13. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...» (data obraschenija: 15.10.2014).
14. Epoch of crusades. E.Lavissa and A.Rambo's campaigns/Under the editorship of M.Gershenzon's lane. - Izd. correct. and add. М.: AST; SPb.: Range, 2005. P. 587.
15. Haritonovich D.E. Craft. Shops and a myth // The City in a medieval civilisation of the Western Europe. - Т. 2. Life of a city and activity of townspeople. М.: Science, 1999. P. 119.
16. Svanidze A.A. Craft and handicraftsmen of medieval Sweden (XIV-XV centuries). М.: Science, 1967. P. 97.
17. Polanski F.J. A economic history of foreign countries. A feudalism epoch. - М, 1954. - P. 25.
18. The shop charter of weavers of silk products//The Medieval city right XII - XIII centuries / Under the editorship of S. M.Stam. Saratov, 1989. P. 113-114.
19. Epoch of crusades. E.Lavissa and A.Rambo's campaigns/Under the editorship of M.Gershenzon's lane. P. 605.
20. Polanski F.J A economic history of foreign countries / A feudalism epoch. М, 1954. P. 28.
21. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...» (data obraschenija: 15.10.2014).
22. Polanski F.J A economic history of foreign countries. P. 607.
23. Theoretical and historiographic problems of genesis of capitalism / The edit.-in-chief A.N.Chistozvonov. М, 1969. P. 107.
24. Gratsiansky N.P. Parisian craft shops in XIII XIV centuries. Kazan, 1911. P. 25.
25. Epoch of crusades. E.Lavissa and A.Rambo's campaigns/Under the editorship of M.Gershenzon's lane. - P. 609.
26. Rosser J. Craft guilds and the work organization // The City in a medieval civilisation of the Western Europe. Т.2. Life of a city and activity of townspeople. М., 1999. P. 146.
27. The Kyolgofsky chronicle//The Medieval city right XII–XIII centuries / Under the editorship of S.M. Stam. Saratov, 1989. P. 123 - 124.
28. The Augsburgsky chronicle//The Medieval city right XII–XIII centuries / Under the editorship of S. M.Stam. Saratov, 1989. P. 125-126.

29. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...» (data obraschenija: 15.10.2014).

30. In the same place.

УДК 34 (340)

Правовое регулирование ремесленных и торговых корпораций в городах средневековой Европы

¹ Валентин Григорьевич Медведев

² Анна Николаевна Федорова

³ Павел Александрович Румянцев

¹ Тольяттинский государственный университет, Российская Федерация
445667, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент
E-mail: medvedeff_vg@ Rambler.ru

² Тольяттинский государственный университет, Российская Федерация
445667, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: an_fedorova@mail.ru

³ Тольяттинский филиал Российского государственного социального университета, Российская Федерация
445057, г. Тольятти, пр-т Степана Разина, 78
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования формирования и деятельности ремесленных и торговых корпораций в городах средневековой Европы. Автор на основе анализа существующих научных теорий, а также изучения нормативно-правовых актов ставит целью исследовать проблему возникновения городов и цеховых организаций в них, выявить их правовую сущность и содержание. Актуальность работы заключается в том, что до настоящего времени в исторической и историко-правовой науке не сложилось достаточно определенного мнения о происхождении и развитии таких специфических городских учреждений как цехи и цеховые корпорации с их особым правовым регулированием. В работе автор приходит к выводу о том, что формирование городов и цеховой организации отразило эволюцию экономического и социального развития средневекового общества, связанного с общественным разделением труда. Основное внимание в работе обращено не на нормативное регулирование работы мастеров и не на регламентацию техники цехового ремесла, что вполне логично объясняется экономической необходимостью приспособления средневекового ремесленного производства к ограниченным требованиям и возможностям местного рынка, и что является предметом исследования большинства современных ученых, а на вопросы самой организации цеха, его положения в системе городских структур, а также правового статуса его членов.

Ключевые слова: закон, городское право, цех, магистрат, ремесло, торговля, цеховой устав.